

**ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ
МАКСА ФРИША**

Дипломная работа

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕФЕРАТ	3
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1 ТВОРЧЕСТВО МАКСА ФРИША В КОНТЕКСТЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.	9
1.1 Проблема самоидентификация в литературоведческом дискурсе	9
1.2 Философско-эстетические поиски М. Фриша	16
ГЛАВА 2 ПРОБЛЕМА ПОИСКА И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ «МОНТОК» И ПОЗДНИХ ПОВЕСТЯХ МАКСА ФРИША	27
2.1 Проблема идентичности и ее интерпретация в романе М. Фриша «Монток»	27
2.2 Тема ненадежности памяти и сохранения идентичности в повести «Человек появляется в эпоху Голоцена»	32
2.3 Тема вины и невинности в повести «Синяя борода»	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	34
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	37

(ОБРАЩАЕМ ВНИМАНИЕ, ЧТО НЕКОТОРЫЕ ФРАГМЕНТЫ РАБОТЫ ИЗВЛЕЧЕНЫ ИЗ ДАННОГО ДОКУМЕНТА)

РЕФЕРАТ

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ МАКСА ФРИША

Структура дипломной работы: дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, который включает 54 наименования. Полный объем работы – 53 страницы печатного текста.

Ключевые слова: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ШВЕЙЦАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА, КРИЗИС, ПОИСК, ЛИЧНОСТЬ, ВИНА.

Цель дипломной работы – раскрытие проблемы идентичности в поздней прозе Макса Фриша.

Задачи работы:

1. Рассмотреть проблему самоидентификации в литературоведческом дискурсе и творческий путь Макса Фриша, обозначив его философско-эстетические принципы.

2. Раскрыть проблему идентичности и ее интерпретацию в романе «Монток».

3. Выявить особенности изображения темы ненадежности памяти и потери идентичности в повести «Человек появляется в эпоху Голоцена».

4. Установить специфику раскрытия темы вины и невиновности в повести «Синяя борода».

Объектом исследования являются роман М. Фриша «Монток» (Montauk, 1975), повести «Человек появляется в эпоху Голоцена» (Der Mensch erscheint im Holozän, 1979) и «Синяя борода» (Blaubart, 1982).

Предмет исследования – проблема идентичности в поздней прозе М. Фриша («Монток», «Человек появляется в эпоху Голоцена», «Синяя борода»).

РЭФЕРАТ

ПРАБЛЕМА ІДЭНТЫЧНАСЦІ Ў ПОЗНЯЙ ПРОЗЕ МАКСА ФРЫША

Структура дыпломнай работы: дыпломная работа складаецца з уводзінаў, двух раздзелаў, заключэння і спіса выкарыстаных крыніц, які ўключае 54 найменні. Аб'ём работы складае 53 старонкі друкаванага тэксту.

Ключавыя словы: САМАІДЭНТЫФІКАЦЫЯ, ІДЭНТЫЧНАСЦЬ, ШВЕЙЦАРСКАЯ ЛІТАРАТУРА., КРЫЗІС, ПОШУК, АСОБА, ВІНА

Мэта дыпломнай работы – раскрыццё праблемы ідэнтычнасці ў позняй прозе Макса Фрыша.

Задачы дыпломнай работы:

1. Разгледзець праблему самаідэнтыфікацыі ў літаратуразнаўчым дыскурсе і творчы шлях Макса Фрыша, вызначыўшы яго філасофска-эстэтычныя прынцыпы.

2. Раскрыць праблему ідэнтычнасці і яе інтэрпрэтацыю ў рамане «Манток».

3. Вызначыць асаблівасці адлюстравання тэмы ненадзейнасці памяці і страты ідэнтычнасці ў аповесці «Чалавек з'яўляецца ў эпоху Галацэна».

4. Устанавіць спецыфіку раскрыцця тэмы віны і невінаватасці ў аповесці «Сіняя барада».

Аб'ектам даследавання з'яўляюцца раман М. Фрыша «Манток» (Montauk, 1975), аповесці «Чалавек з'яўляецца ў эпоху Галацэна» (Der Mensch erscheint im Holozän, 1979) і «Сіняя барада» (Blaubart, 1982). **Прадмет даследавання** – праблема ідэнтычнасці ў позняй прозе М. Фрыша («Манток», «Чалавек з'яўляецца ў эпоху Галацэна», «Сіняя барада»).

REFERAT

DAS PROBLEM DER IDENTITÄT IN DER SPÄTEN PROSA VON MAX FRISCH

Struktur der Diplomarbeit: Die Diplomarbeit besteht aus Einleitung, zwei thematischen Abschnitten, Zusammenfassung und Literaturverzeichnis, das 54 Quellen enthält. Der Gesamtumfang der Diplomarbeit beträgt 53 Seiten.

Schlüsselbegriffe: SELBSTIDENTIFIZIERUNG, IDENTITÄT, SCHWEIZER LITERATUR, KRISE, SUCHE, PERSÖNLICHKEIT, SCHULD.

Ziel der Diplomarbeit – Feststellung des Problems der Identität in den Werken der späten Prosa von Max Frisch. Zum Erreichen dieses Ziels ist es notwendig, folgende **Aufgaben** zu lösen:

1. Die Merkmale der Selbstidentifizierung im literarischen Diskurs zu betrachten und die philosophischen und ästhetischen Prinzipien von M. Frisch zu bezeichnen.

2. Das Identitätsproblem und seine Interpretation im Roman „Montauk“ aufzudecken.

3. Die Merkmale des Bildes des Themas Unzuverlässigkeit des Gedächtnisses und des Identitätsverlustes in der Geschichte „Der Mensch erscheint im Holozän“ zu bezeichnen.

4. Die Besonderheiten der Offenlegung des Themas Schuld und Unschuld in der Geschichte „Blaubart“ zu festzustellen.

Forschungsobjekt sind der Roman von M. Frisch „Montauk“, die Geschichte „Der Mensch erscheint im Holozän“, „Blaubart“. **Forschungsgegenstand** ist das Problem der Identität in der späten Prosa von Max Frisch.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема идентификации, определения места человека в обществе и отношении с другими людьми является одной из ключевых тем в мировой литературе. Писатели разных эпох продолжают раскрывать в своих произведениях многие аспекты этого сложного вопроса, предлагая читателю задуматься о собственных ценностях и убеждениях. Проблема поиска идентичности особенно остро стоит в наше время, когда современные технологии и виртуальный мир подарили человеку возможность быть тем, кем он хочет. Но возможности, открывшиеся перед людьми, привели к неожиданным последствиям: все чаще мы сталкиваемся с кризисом идентичности и проблемами самоидентификации. Именно поэтому изучение данной темы и ее представления у классиков литературы может помочь выработать новые стратегии преодоления кризиса идентичности у современного человека.

Макс Фриш (Max Frisch, 1911–1991) – один из крупнейших швейцарских писателей XX в., творчество которого представляет особый интерес для исследования проблемы идентификации человека. Его романы отличаются глубиной психологического анализа, а также ярко выраженной социальной направленностью. Они отражают актуальные вопросы своего времени, затрагивая проблемы моральных и этических норм, социального неравенства и самоопределения личности. Фриш жил в период значительных социокультурных и политических изменений, мог наблюдать за событиями Второй мировой войны и Холодной войны. Все это оказало существенное влияние на взгляды писателя на человеческую личность и формирование его идентичности.

В романах Фриша часто рассматривается вопрос о том, насколько личность может сохранить свою целостность в условиях постоянных изменений и давления общества. Персонажи сталкиваются с вызовами, которые требуют от них переоценки своего «я» в новом контексте. Вместе с читателем автор задается рядом важных вопросов и исследует тему поиска идентичности, который может проявляться через внутренние конфликты, стремление к самопознанию и размышления о смысле жизни. Фриш обращается к теме памяти и влияния прошлого на формирование личности. Персонажи часто сталкиваются с тенью своих предшественников или прошлых событий, что может привести к сложным внутренним конфликтам.

На сегодняшний день творчество Макса Фриша продолжает изучаться как в зарубежном литературоведении, так и в отечественной науке, хотя основной пик исследований пришелся на 1970-е – 1980-е и начало 2000-х. Плодотворными в этом плане были и 2010-е, когда появилось большое

количество публикаций по теме. Отметим, что обращаются литературоведы как к биографии и общим вопросам творческих поисков М. Фриша (М. Амусин [1], О. В. Гушин ([11]; [12]; [13]), Г. И. Давиденко [14], Н. С. Павлова, А. В. Маркин и В. Д. Седельник ([24]; [25]; [28]); Г. Л. Арнольд (H. L. Arnold) [41], В. Шмитц (W. Schmitz) [51] и др.), так и к отдельным аспектам и произведениям, в частности, проблеме идентификации в творчестве писателя. Наибольший интерес для нас представляют труды В. Д. Седельника [28], Н. С. Павловой [25], М. Бента [5], У. Бирхера [6], Д. Затонского [15], Т. Ю. Сидориной [30], О. В. Гущина ([11]; [12]; [13]), И. С. Киселевой [18], В. В. Малащенко [23], Ф. Дюрренматта (F. Dürrenmatt) [42], К. Гюнтера (K. Günther) [47], Г. Майера (H. Mayer) [50], К. Штеффана (C. Steffahn) [53], А. Штеммера (A. Stemmer) [54].

Таким образом, творчество швейцарского писателя действительно изучено в различных аспектах, при этом есть ряд работ, к которым исследователи обращаются гораздо реже. В частности, это повести «Человек появляется в эпоху Голоцена» (Der Mensch erscheint im Holozän, 1979) и «Синяя борода» (Blaubart, 1982). К сожалению, на сегодняшний день практически отсутствуют целостные исследования, посвященные этим произведениям как в общем контексте творчества Фриша, так и в контексте темы идентичности. Более изучен роман «Монток» (Montauk, 1975), но и в этом случае научных работ крайне мало. Так как тема поиска самоидентичности занимает важное место в творческом наследии швейцарского писателя, необходим детальный анализ всех его произведений. Именно поэтому изучение проблемы поиска самоидентичности в поздней прозе М. Фриша представляется **актуальным**.

Цель дипломной работы – раскрытие проблемы идентичности в поздней прозе Макса Фриша.

Задачи работы:

1. Рассмотреть проблему самоидентификации в литературоведческом дискурсе и творческий путь Макса Фриша, обозначив его философско-эстетические принципы.
2. Раскрыть проблему идентичности и ее интерпретацию в романе «Монток».
3. Выявить особенности изображения темы ненадежности памяти и потери идентичности в повести «Человек появляется в эпоху Голоцена».
4. Установить специфику раскрытия темы вины и невинности в повести «Синяя борода».

Объектом исследования являются роман М. Фриша «Монток» (Montauk, 1975), повести «Человек появляется в эпоху Голоцена» (Der Mensch erscheint im Holozän, 1979) и «Синяя борода» (Blaubart, 1982).

Предмет исследования – проблема идентичности в поздней прозе М. Фриша («Монток», «Человек появляется в эпоху Голоцена», «Синяя борода»).

Основные методы исследования, используемые в работе, являются: культурно-исторический, герменевтический, метод целостного анализа художественного текста, системный анализ литературного произведения.

Задачи определяют структуру работы, которая состоит из введения, двух глав, обозначенных в плане, заключения, списка использованных источников. В первой главе дается теоретическое обоснование работы, во второй рассматриваются особенности интерпретации проблемы идентичности в произведениях поздней прозы М. Фриша.

ГЛАВА 1 ТВОРЧЕСТВО МАКСА ФРИША В КОНТЕКСТЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

1.1 Проблема самоидентификация личности в литературоведческом дискурсе

К изучению проблемы идентичности обращались на протяжении многих лет исследователи из различных сфер науки. Данный вопрос анализировали философы, психологи, социологи, культурологи, а также литературоведы. В каждой области научного знания рассматривали идентификацию и поиск идентичности с различных аспектов, тем самым создавая наиболее полную картину данного феномена.

Проблема самоидентификации личности занимает центральное место в литературоведческом дискурсе, отражая сложные процессы формирования и осознания индивидуальности в контексте культурных, социальных и исторических изменений. В зарубежной литературе XX и XXI вв. эта тема приобретает особую актуальность, так как находит разнообразные художественные воплощения и вызывает интерес исследователей.

Литературовед Л. А. Софронова в статье «О проблемах идентичности» подробно рассматривает данный феномен в контексте пространства культуры. В частности, исследовательница обращает внимание на специфику идентификации посредством воздействия литературы, телевидения, иных культурных явлений. Особое внимание уделяется поиску идентичности в рамках литературного творчества.

Л. А. Софронова отмечает: «Процессы идентификации в культуре многослойны и противоречивы. Они касаются всего многообразия мира... Точно так же процессы идентификации важны для человека, который стремится достичь идентичности и меняет ее с течением времен» [32, с. 21]. Кроме того, в своей статье исследовательница ссылается и на других авторов.

В частности, существенное внимание уделяется концепции диалога М. М. Бахтина. Он писал: «Диалогические отношения – почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение. Где начинается сознание, там начинается диалог» [4, с. 41]. Диалоговый аспект идентификации, если опираться на бахтинское понимание диалога, подчеркивает принципиальное отсутствие окончательности в человеческом существовании. Диалог, который создает ценностно значимые смыслы, протекает непрерывно, не позволяя этим смыслам застывать. Это

представляет собой вечный процесс становления, в котором завершенность и статичность являются чуждыми и даже враждебными.

Таким образом, идентификация, согласно взглядам М. М. Бахтина, не может рассматриваться как нечто стабильное или фиксированное, что человек находит как «данность» вне себя. Для формирования своей идентичности человеку необходим Другой, в котором он находит отражение себя, а возвращаясь к своему внутреннему миру, открывает в себе Другого.

Кроме того, А. А. Сауткин в своей статье «Принцип диалогизма М. М. Бахтина как методологическое основание для исследования социокультурной идентичности» предлагает понимать концепцию типологии прозаического слова у М. Бахтина Ю. Кристевой как типологию идентичности. Автор отмечает: «Кристева в своей известной работе “Бахтин, слово, диалог и роман” пишет о типологии прозаического слова у Бахтина, которая включает три основных типа: прямое, объектное и амбивалентное слово. Как нам представляется, эта типологизация вполне может быть отнесена и к высказыванию идентичности. В качестве “автора” в данном случае будет выступать субъект самоидентификации, поскольку именно он в соотношении себя с другими (рассматриваемыми как некие “персонажи”) выстраивает “текст” собственной идентичности» [27, с. 21]. Данный подход представляется нам достойным внимания, так как завязан на литературном творчестве.

Также можно отметить взгляды Г. Риккерта, Н. Гартмана и В. Дильтея, которые рассматривали вопросы идентификации в основном с позиций их аксиологического содержания. Так как литература неразрывно связана с ценностным аспектом, данный подход также может быть полезен для изучения темы.

П. Рикёр в книге «Я–сам как другой» [26] исследует концепцию нарративной идентичности, отличной во многом от концепции А. Макинтайера. Согласно автору, личная идентичность не является врожденной характеристикой сознания, а является результатом сложного процесса медиации через «рассказы», или нарративы, которые представляют собой различные модели конфигурации действия в повествовательном пространстве. В сущности, личная идентичность является идентичностью, сконструированной через рассказ. Только посредством нарратива человек может установить отношения с самим собой, объявляя о себе как о себе и принимая на себя действия, которые другие могут ему приписать или которые он может приписать себе сам.

Идентичность тесно связана с понятием самоидентификации, которая, по сути, и является процессом «поиска, осознания, принятия или отрицания человеком своей идентичности» [2, с. 171]. Под идентичностью известный

психолог Э. Эриксон предлагает понимать «твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений к окружающему миру» [37, с. 11]. В основе идентичности находится ряд факторов, в частности, ощущение тождества (полного совпадения свойств) самому себе и непрерывности своего существования (преемственности жизненных этапов). Подчеркивается, что формирование идентичности происходит на протяжении всей человеческой жизни.

В новых обстоятельствах и пограничных ситуациях человек может столкнуться с кризисом идентичности, который проявляется в его неспособности осознать себя в условиях стремительных изменений окружающего мира и принять новые аспекты своего «Я». Этот кризис может затрагивать как отдельного индивида, так и группы людей или общество в целом. Преодоление кризиса идентичности происходит через дальнейшую самоидентификацию, которая включает в себя рефлекссию, поиск новых идеалов и смыслов жизни, а также открытие в себе новых граней и возможностей. Кризис идентичности может стать ключевым моментом в развитии личности, способствуя ее росту и совершенствованию.

Английский социолог Э. Гидденс в своей работе «Модерн и самоидентичность» (Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age, 1991) [46] рассматривает самоидентичность как рефлексивный проект, который человек постоянно конструирует и реконструирует в условиях современного мира. Автор подчеркивает, что в посттрадиционном обществе индивид должен интегрировать происходящие события в непрерывную «историю» о себе, что отражается в литературных произведениях, где герои ищут и переосмысливают свою идентичность.

Проблема поиска идентичности личности является важным мотивом в литературе, который часто отражает сложные и многогранные аспекты человеческого опыта. Эта тема часто находит свое отражение в произведениях различных эпох и культур, внося вклад в понимание того, кто мы такие, каков наш путь самопостижения и какие факторы влияют на формирование нашего собственного «Я». Для анализа этой проблемы исследователи чаще всего прибегают к рассмотрению определенных вопросов, наиболее полно отражающих суть явления в литературе. Рассмотрим некоторые из них.

1. Социокультурные факторы и самоидентификация.

В литературе часто поднимается вопрос о том, как социокультурные факторы (семья, общество, история и традиции) влияют на формирование личной идентичности. Некоторые романы, например, «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда, могут исследовать, как стремление к социальному

престижу и успеху может оказывать влияние на восприятие личности самой себя.

2. Внутренний конфликт и психология героев.

Некоторые произведения литературы обращаются к внутренней борьбе героев, связанным с постижением самого себя. К примеру, роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского погружает читателя в мир внутренних конфликтов главного героя, Родиона Раскольникова, и его попыток понять свое место в обществе.

3. Метаморфозы личности в контексте времени.

В литературных произведениях авторы часто исследуют, как именно личность может изменяться в зависимости от времени и событий. Это может проявляться, например, в образе героя, который претерпевает эволюцию на протяжении сюжета. Рассказ Ф. Кафки «Превращение» демонстрирует радикальное изменение личности главного героя после таинственной метаморфозы в насекомое.

4. Исследование свободы выбора и судьбы.

Некоторые литературные произведения обращают внимание на вопрос свободы воли и ее влияния на самоидентификацию. Роман «1984» Дж. Оруэлла поднимает вопрос о том, как внешние обстоятельства и власть могут контролировать и формировать личность.

5. Символы и метафоры в литературе.

Литературные произведения также используют символы и метафоры для выражения проблем самоидентификации. Например, в романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова через образ Мастера и Маргариты автор исследует тему творчества, веры и поиска истинного смысла жизни.

Проблема самоидентификации личности занимает особое место в литературе, поскольку она представляет собой один из главных способов выражения авторского сознания и восприятия мира. Как мы отметили выше, в литературных произведениях эта проблема находит свое отражение через образы героев, их поступки и мотивы, а также через описание окружающей действительности.

Одним из ключевых аспектов проблемы самоидентификации является вопрос о том, как человек может определить свою идентичность, исходя из своих индивидуальных качеств и социальных ролей. В литературе этот вопрос часто решается через изображение героев, которые испытывают трудности в определении своей идентичности, что приводит к конфликтам с окружающим миром и самим собой.

Еще одним важным аспектом является взаимодействие между личностью и обществом. В литературе это взаимодействие часто изображается через конфликт между индивидуализмом и конформизмом,

между стремлением к свободе и необходимостью следовать общепринятым нормам и правилам.

Размышляя о проблеме самоидентификации в литературе, Е. В. Андрианова отмечает: «На уровнях поэтики и проблематики художественного произведения тема самоидентификации человека раскрывается через использование автором определенных средств художественной выразительности, образов, мотивов, через особенности композиции, сюжета. Художественное воплощение проблемы самоопределения личности происходит на нескольких уровнях: самоидентификация автора осуществляется в его творческой деятельности, читателя – в процессе рецепции, героев – в ходе их конструирования писателем, развития сюжета» [2, с. 175].

Одним из ярких примеров исследования идентичности в литературе является творчество австрийской писательницы Эльфриды Елинек (E. Jelinek, род. 1946). В её романах 1975–1980-х гг., в частности, «Любовницы» (Die Liebhaberinnen, 1975) и «Пианистка» (Die Klavierspielerin, 1983), автор обращается к внутреннему миру женщин, стремящихся найти свое место в обществе, которое навязывает им определенные роли и ожидания. Российская исследовательница Е. С. Ярина в своей работе отмечает, что Э. Елинек использует «специфическую поэтическую систему для изображения кризиса самоидентификации своих героинь, подчеркивая их внутренние противоречия и борьбу с внешними обстоятельствами» [39, с. 8].

В постколониальном романе XX–XXI вв. проблема самоидентификации приобретает особое звучание. Писатели из бывших колоний сталкиваются с вопросами культурной принадлежности, языка и наследия, что отражается в их произведениях. В частности, И. М. Гасанова в своей диссертации анализирует языковые средства изображения самоидентификации в постколониальном романе и подчеркивает: «Авторы используют гибридные формы языка и стиля для передачи сложной идентичности персонажей, находящихся между различными культурами и традициями» [10, с. 26].

Отдельно стоит отметить феномен множественной личности, который также нашел отражение в литературе и поп-культуре. Классический пример – повесть Р. Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde, 1886), где главный герой переживает расщепление личности на добрую и злую составляющие. Этот сюжет подчеркивает внутренний конфликт и сложность человеческой природы, ставя под вопрос устойчивость самоидентичности. Впоследствии писатели еще не единожды обращались к подобному приему, в том числе и при осмыслении темы поиска идентичности героев.

Рассматривая вопросы поиска идентичности в литературе, стоит вспомнить и португальского поэта Ф. Пессоа (F. A. N. Pessoa, 1888–1935), который создал концепцию гетеронимов – вымышленных авторов с собственными биографиями и стилями письма. Каждый гетероним представлял собой отдельную личность, что позволяло Ф. Пессоа исследовать различные аспекты человеческой идентичности и продемонстрировать множественность «я». Это литературное новаторство подчеркивает сложность и многогранность самоидентификации.

Также отдельно подчеркнем, что тема поиска идентичности занимает центральное место в швейцарской литературе. Данный факт обусловлен в первую очередь уникальным культурным и языковым разнообразием страны. Швейцария объединяет четыре официальных языка – немецкий, французский, итальянский и ретороманский, – что создает богатую почву для литературных произведений, отражающих множественность идентичностей и культурных пластов. Как отмечает швейцарский писатель и филолог Петер фон Матт, «швейцарская литература не имеет единого центра, она разрастается в разных направлениях, в которых авторы сталкиваются с проблемой собственной идентичности» [49, с. 45]. Это разнообразие способствует глубокому исследованию вопросов самосознания, принадлежности и личной идентичности в контексте многоязычного и мультикультурного общества. На фоне глобализации, послевоенных кризисов и социальных трансформаций швейцарские авторы осмысливают вопрос «Кто я?» через разные художественные формы.

Отдельным аспектом раскрытия этой темы в контексте швейцарской литературы является вопрос национальной идентичности, который наиболее остро стоит не только в литературе, но и в печатных СМИ. В связи с определенными условиями развития общества в мультикультурной среде вопросы самоидентификации личности тесно переплетаются с вопросами идентификации национальной. Это приводит к появлению отдельных тем и сюжетов в произведениях классиков швейцарской литературы.

В XX в. и особенно во второй его половине многие швейцарские писатели обращаются к теме внутреннего кризиса, самопознания и поиска себя в мире, охваченном социальными и политическими изменениями. Рассмотрим несколько наиболее ярких примеров.

Адольф Мушг (Adolf Muschg, род. 1934) – один из самых значительных швейцарских писателей второй половины XX в., который часто исследовал проблемы идентичности в контексте столкновения культур. Как утверждает исследователь Б. Айхнер, «Мушг использует путешествие как инструмент саморазвития героя, показывая, что идентичность формируется в диалоге между “своим” и “чужим» [52]. Как правило, писатель изображал героев

своих произведений в момент утраты душевного равновесия, «когда вторжение воспринимается как откровение, как долго вытеснявшаяся из сознания истина, когда возникает неожиданное ощущение, что чужое в тебе, то, что выпирает из тебя острыми гранями и мешает жить, как живется» [29, с. 391]. По мнению писателя, это и есть ты сам, поэтому отчуждение рассматривается им в первую очередь как необходимый элемент самопознания.

Петер Биксель (Peter Bichsel, род. 1935) известен своими минималистичными, но глубокими текстами, в которых поднимаются вопросы личной и социальной идентичности через призму повседневной жизни. В сборнике рассказов «На самом деле, миссис Блум хотела бы познакомиться с молочником» (*Eigentlich möchte Frau Blum den Milchmann kennenlernen*, 1964) автор исследует чувство отчужденности и повседневные попытки людей понять свое место в мире. Автор даже через форму своих произведений стремится отразить одиночество и анонимность в современном ему мире, выражая это через языковые средства. Героем его произведений часто становится маленький человек, ничем не примечательный и совершенно обыденный. Его проблемы и поиск идентичности сталкиваются с мифом о процветающей Швейцарии, тем самым привлекая внимание огромного количества читателей.

Кристоф Гайзер (Christoph Geiser, род. 1949) рассматривает проблему поиска идентичности через осмысление прошлого и влияние семьи на личность. В 1968 г. был одним из создателей литературной группы «Пляска смерти», журнал которой «Дрепункт» внес кроме прочего огромный вклад в самоидентификацию всей литературы, а не только отдельного человека или автора. Начиная с малой прозы, позже писатель перешел к большим жанрам и, по мнению критиков, раскрылся именно в них. Во многом основанные на автобиографическом материале, его романы «Грюнзее» («Grünsee», 1978) и «Пустырь» («Brachland», 1980) можно рассматривать как результат поисков идентичности не только лирического героя, но и самого автора.

Таким образом, проблема самоидентификации личности в литературоведческом дискурсе отражает сложные и многогранные процессы формирования «я» в контексте культурных, социальных и исторических изменений. Через анализ художественных произведений можно глубже понять, как литература отражает и формирует представления о человеческой идентичности, предлагая читателю задуматься о собственном месте в мире и своей сущности. Разнообразие культурных и языковых контекстов Швейцарии делает проблему идентичности особенно значимой для ее литературы. Швейцарские писатели обращаются к поиску идентичности через разные художественные приемы, но все они отражают одну ключевую

мысль: личность – это динамическое понятие, формирующееся в контексте культуры, общества и истории.

1.2 Философско-эстетические поиски М. Фриша

Макс Фриш – один из самых известных писателей немецкоязычной литературы. Театральные пьесы «Бидерман и поджигатели» (Herr Biedermann und die Brandstifter, 1958), «Андорра» (Andorra, 1961), романы «Штиллер» (Stiller, 1954), «Хомо Фабер» (Homo faber, 1957) и «Назову себя Гантенбайн» (Mein Name sei Gantenbein, 1964) нашли широкое признание среди зрителей и читателей не только своей страны, но и далеко за ее пределами. Фриш также писал рассказы, пьесы, другие прозаические произведения, публиковал литературный дневник, который охватывал два периода: 1946–1949 и 1966–1971 гг.

Родился писатель в семье архитектора Франца Бруно Фриша и Каролины Беттины Фриш (Видермут). В молодости будущий писатель часто осознавал, что в будущем станет человеком искусства, однако, выбор стать литератором был в жизни М. Фриша не единственным. В 1930/1931 учебном году М. Фриш приступил к изучению германистики в Цюрихском университете. Здесь он познакомился с профессорами, которые помогли ему наладить связи с издательствами и газетами. С другой стороны, будущий писатель понимал, что академический учебный план не обеспечит ему должную подготовку к писательскому ремеслу. Вместе с германистикой М. Фриш изучал психологию в школе профессора Форензиса. Именно с этим обучением впоследствии писатель связывает глубокое проникновение в суть человеческого существования.

Исследователь Г. И. Давиденко отмечает, что влияние на будущее писателя во многом оказала внезапная смерть отца: «1932 г. Внезапная смерть отца заставила юношу бросить учебу и самому зарабатывать себе на жизнь. Работал репортером: брался за отчеты о событиях политической и светской жизни, о спортивных соревнованиях и погоде. Смело он ломал писатель привычные нормы жизни» [14].

Первый журналистский опыт будущий писатель получил в Новой Цюрихской газете, где опубликовал свое эссе «Что Я?» (Was bin ich, 1932). Данное эссе многие исследователи творчества писателя и его биографы считают зачатком профессиональной литературной деятельности. М. Фриш также совершил продолжительное путешествие по Европе, из впечатлений от которого родился первый роман писателя – «Юрг Рейнхарт» (Jürg Reinhart, 1934).

Юрг Рейнарт по своей сути является альтер-эго самого Фриша. В поезде во время путешествия по Балканам герой пытается определиться со своей позицией в жизни. Там он приходит к выводу, что только мужественный поступок способен убедить его в собственной зрелости, поэтому герой помогает умереть смертельно больной дочери хозяйки пансиона. При этом биографами поэта отмечается, что об эвтаназии М. Фриш узнал несколькими годами позже от национал-социалистов [24, с. 266].

Продолжая развивать тему мужественного поступка в своем творчестве, М. Фриш пишет роман «Ответ из тишины» (*Antwort aus der Stille*, 1937). Автор сам подвергает этот роман уничтожающей критике и полностью меняет свой проект, перед этим сжигая всё написанное ранее.

В 1936 г. М. Фриш приступает к изучению архитектуры. Ему также присуждают премию Конрада-Фердинанда-Мейера в размере 3000 франков, тогда как годовая стипендия студента составляла в то время 4000 франков. После окончания М. Фриш проработал архитектором несколько лет.

Писатель работал по специальности после службы в армии во время Второй мировой войны и оставил архитектуру только в 1955 г., чтобы полностью реализовать себя литературе. Единственный крупный проект, построенный по чертежам М. Фриша, – открытый бассейн *Letzigraben*. Однако автор также создал дюжину других построек, просто не таких известных.

Например, М. Фриш неудачно спроектировал дом фабриканта К. Ф. Ферстера, изменил в нем размеры лестниц. Из-за этого происшествия писателя даже привлекли к суду. Стоит отметить, что в отместку за эту ситуацию М. Фриш позже создает драму «Бидерман и поджигатели» (*Biedermann und die Brandstifter*, 1958), в которой изображает Ферстера в качестве протагониста.

Также биографы часто отмечают тот факт, что во время работы в архитектурном бюро М. Фриш часто находился там лишь после полудня, при этом большую часть своего времени посвящая писательству.

События биографии писателя часто оказывали влияние на его произведения. Например, после свадьбы М. Фриш в одной из драм задался вопросом о том, как можно совместить амбиции одного человека и совместную жизнь. А после судебного разбирательства из-за неудачного проекта в архитектурном бюро писатель в отместку создал драму, в которой прошелся по своему заказчику.

М. Фриш был не просто состоявшимся писателем, но и стал популярным и известным драматургом, произведения которого и сегодня продолжают ставиться во многих театрах мира. Но началось все это еще в довоенное время, когда директор Цюрихского театра К. Хиршфельд

вдохновил писателя на сотрудничество в 1943 г. В своей первой пьесе «Санта Круз» (Santa Cruz, 1944) уже женатый на тот момент М. Фриш задается вопросом, как совместить мечты и амбиции одинокого человека и совместную жизнь в браке. Позже автор пишет еще две пьесы, находясь под впечатлением войны.

Рассматривая данную пьесу в своей книге, Г. И. Давиденко отмечает: «Пьеса “Санта-Крус” – своеобразный образец полемики с сюжетно-нравственными принципами классицизма: основной лозунг классицизма “Обязанность – превыше всего” заменено совершенно противоположным, грубым и пренебрежительным по отношению к другому человеку: “Эгоизм – превыше всего”» [14]. Позже подобные моральные искания читатель сможет увидеть в повести «Синяя борода».

В пьесе «И вот они вновь поют» (Nun singen sie wieder, 1946) драматург поднимает вопрос о личной вине солдата, который выполняет нечеловеческие приказы сверху, и позицию по отношению к таким солдатам тех, против кого были направлены эти самые приказы. А пьеса «Китайская стена» (Die Chinesische Mauer, 1946), в которой автор размышляет на тему угрозы атомного оружия, со временем была забыта читателями и режиссерами, не сыскав при этом большого успеха.

Существенное влияние на творчество в целом и на личность М. Фриша в частности оказало знакомство с Б. Брехтом, творчеством которого писатель очень восхищался. С Брехтом они часто дискутировали по самым разным вопросам искусства. Н. С. Павлова и А. В. Маркин выделяют факт знакомства с Б. Брехтом и П. Зуркампом как одно из основных событий в жизни поэта в конце 1940-х гг.: «Он знакомится с Бертольдом Брехтом, общение с которым (беседы, совместное посещение репетиций и спектаклей, критическое обсуждение драматических текстов) оказало заметное влияние на представления начинающего автора о театре и драматургической технике ... , и сходится со знаменитым издателем Петером Зуркампом, собиравшимся вернуться в Германию из швейцарской эмиграции, чтобы возродить свое дело и начать печатать книги, способные “перевоспитать” немецкую нацию» [24, с. 268].

Стоит также отметить влияние идей датского религиозного философа С. Кьеркегора на философско-нравственные поиски М. Фриша. Интерес автора к произведениям С. Кьеркегора был обусловлен тем, что тот исследовал тип личности, который на протяжении многих лет был актуален для самого Фриша. Этот тип личности, который описывает писатель, Кьеркегор именуется «эстетиком», помещая его на низшую ступень своей концепции. Это связано с тем, что Кьеркегор подчеркивает уникальность каждой личности и считает, что основной задачей человека является

глубокое сосредоточение на самом себе. Образ «эстетика» противоречит взглядам философа, поскольку для него характерно «желание избавиться от собственного Я, желание обрести вместо него другое Я...» [28, с. 15].

Кроме того, отметим, что творчество М. Фриша пронизано экзистенциальными мотивами, отражающими влияние философии М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. Вопросы свободы, ответственности и абсурдности бытия занимают центральное место в его произведениях. В частности, в пьесе «Бидерман и поджигатели» М. Фриш исследует конформизм и слепоту общества перед лицом надвигающейся опасности, показывая, как обыденность и нежелание видеть реальность могут привести к катастрофе.

После присуждения стипендии Рокфеллера М. Фриш отправился в путешествие по Америке и Мексике. В это время писатель работал над пьесой «Дон Хуан, или Любовь к геометрии» (*Don Juan oder Die Liebe zur Geometrie*, 1953). Данная пьеса представляет собой пародию на Дон Хуана, интересующегося в первую очередь геометрией и шахматами, тогда как женщины играют в жизни героя исключительно эпизодическую роль.

В этой связи стоит отметить, что мужчины в произведениях М. Фриша часто имеют собирательный образ современного автору интеллектуала: это эгоцентричные, нерешительные и неуверенные в себе люди, которые, по сути, даже не осознают действительную ситуацию, окружающую их. Это агностики, которым в отношениях с другими людьми не достает самоотдачи. Поэтому в конечном итоге такие герои вынуждены вести жизнь одиночек в относительной изоляции. Когда же в героях развивается глубокое истинное чувство к женщинам, отмечает М. Бент, они «теряют эмоциональный баланс и маскируют сексуальную несостоятельность под шовинизмом» [5, с. 517].

Таким образом, связь с женщинами у этого типа героя почти всегда омрачается чувством вины. В отношениях с противоположным полом, мужчины пытаются найти настоящую жизнь, свободную от конфликтов и бесконечных повторений, которая не теряет новизны, какой-то спонтанности.

Важно отметить, что литературную карьеру М. Фриша нельзя назвать быстрой, так как в действительности успех приходил к писателю довольно медленно. Однако это обстоятельство не отменяет факта того, что уже ранние публикации автора имели определенный успех среди читателей. Как отмечалось ранее, еще в возрасте двадцати лет М. Фриш печатал свои произведения в разных газетах и журналах, а чуть позже драмы автора ставились на сцене Цюриха и с большим восторгом были встречены зрителями.

Также исследователями подчеркивается тот факт, что с лёгкой руки М. Фриша «популярность драмы как жанра шагнула далеко за пределы

Швейцарии» [5, с. 518]. Роман «Штиллер» (Stiller, 1954) был восторженно встречен и пользовался огромным успехом в ФРГ, что, по мнению биографов, дало возможность автору прожить свою жизнь в качестве свободного художника. В первый год было продано около 3000 экземпляров романа. Благодаря постоянно нарастающему спросу, в конечном итоге книга достигла тиражей, насчитывающих миллионы экземпляров.

Другой бестселлер «Номо Фабер» (Homo faber, 1957) к 1998 г. насчитывал более четырех миллионов проданных экземпляров только на немецком языке. А «Бидерман и поджигатели» и «Андорра» (Andorra, 1961) до сих пор считаются одними из наиболее успешных немецкоязычных театральных пьес: к 1996 г. количество их инсценировок достигало 250. Отметим, что обе пьесы, а также роман «Номо Фабер» стали частью образовательных программ в школах немецкоязычного пространства.

Творчество М. Фриша пронизано глубокими философскими рефлексиями и размышлениями о человеческой судьбе. Его творческое своеобразие проявляется в необычном стиле и оригинальном подходе к вопросам искусства, существования и личной идентичности.

Н. С. Павлова и А. В. Маркин отмечают: «Творческий метод Фриша своеобразен. Но волнуют его те же вопросы, что и других современных писателей. Друг и коллега Фриша Фридрих Дюрренматт однажды сказал, что настоящий писательский труд – это всегда участие в продумывании и проигрывании возможностей человека. Такая формула в значительной степени относится и к Фришу: в своем творчестве писатель все время «проигрывает» разные возможности человека» [24, с. 271].

Одной из ключевых черт творчества М. Фриша является постоянное стремление к поиску смысла жизни и человеческого бытия. В своих произведениях автор анализирует сложные аспекты человеческого существования, поднимая вопросы свободы воли, смысле времени и неизбежности смерти.

Еще одной важной чертой творчества М. Фриша является его экспериментальный подход к форме и структуре произведений. Он мастерски использует различные литературные техники, такие как монтаж, поток сознания и игра со временем, чтобы передать сложность человеческого мышления и переживаний.

В центре творчества писателя исследователи часто выделяют противоречие и полемику с самим собой. При этом проблемы, которые ставит перед собой автор и пытается решить, – довольно типичны для человека его эпохи. Это поиск и утверждение собственной идентичности, построение личной биографии, половые роли, конфликт между полами и способы его разрешения, а также вопрос, что в целом можно выразить

посредством языка. В дневнике, который представлен в форме литературного повествования, М. Фриш находит и реализует собственный стиль, который отличает его и становится, по сути, визитной карточкой писателя.

У. Бирхер отмечает: «Со своей попыткой сделать литературой собственное “я” Фриш оказался в наилучшем обществе. XX век – это век литературы “от первого лица”. Хрупкость собственного “я”, разорванность идентичности с самим собой, поиски себя, распад индивидуума, разрушение, обесценение и отчуждение личности – под многочисленными названиями литература рассуждала о том, что же в действительности с захватывающей дух скоростью происходило в этом столетии, а именно: маргинализация единственного, неповторимого, незаменимого человека, того самого, кого гуманисты и просветители подняли до мерила всех вещей» [6, с. 217].

Г. И. Давиденко пишет: «Фришу-писателю была чужда роль проповедника. В художественных произведениях он избегал однозначных и устойчивых оценок, поэтому вместо традиционных решение сценического действия – открытые финалы. Макс был художником, который все подвергал сомнению. Под знаком сомнения происходило и его творческое становление» [14].

В. Д. Седельник также рассматривает творчество писателя и сравнивает его с Ф. Дюрренматтом в контексте общего развития швейцарской литературы: «Фриша и Дюрренматта часто называют вместе, но это очень разные художники. С именем каждого связана особая линия драматургического и повествовательного искусства. Дюрренматт тяготеет к параболе, к броскому гротеску, к конструированию “моделей”, Фриш – к самовыражению и “саморазоблачению”, к принципу прямой и скрытой автобиографичности: ведь то, что знаешь о себе самом, достовернее любых предположений о других» [28, с. 16]. Исследователь также подчеркивает, что ведущим в творчестве писателя был принцип надежды, характерный также и для других писателей Швейцарии.

Творчество писателя охватывает широкий спектр жанров, от коротких рассказов и новелл до романов, пьес и сценариев. М. Фриш также известен своими литературными исследованиями, которые также, как и некоторые художественные произведения, были посвящены проблемам человеческой идентичности, социальной справедливости и моральных дилемм.

Творческое своеобразие М. Фриша также характеризуется его способностью создавать сложные и многогранные образы персонажей, отражающие разнообразие человеческого опыта. Он не боится исследовать темные стороны человеческой натуры, часто сталкивая своих героев с трудными моральными дилеммами.

Одним из ключевых аспектов творчества М. Фриша является его внимание к проблеме идентичности. Его персонажи постоянно находятся в процессе самоопределения, поиска своего места в мире и борьбы с социальными стереотипами. М. Фриш подчеркивает, что каждый человек является уникальным и сложным существом, и что его или ее идентичность не может быть сведена к одному аспекту.

В своих произведениях автор также часто затрагивает темы социальной справедливости и неравенства. Он критикует существующую систему за ее неспособность обеспечить равные возможности для всех и за то, что она создает условия для эксплуатации и угнетения.

В целом М. Фриш известен своими произведениями, которые часто затрагивают сложные вопросы нравственности, морали и человеческой природы. Его произведения анализируют моральные дилеммы, психологические аспекты человеческих отношений и внутренние конфликты на почве самоидентичности. В связи с этим нам представляется возможным выделить несколько аспектов, которые наиболее часто исследуются писателем в своих произведениях:

1. Сложность морального выбора. В произведениях М. Фриша персонажи часто сталкиваются с непростыми моральными дилеммами, где нет четкого разграничения между правильным и неправильным. Это позволяет читателям задуматься о том, какие принципы они считают важными и как они бы поступили на месте героев.

2. Исследование человеческой природы. В работах писателя глубоко анализируются человеческая природа, ее слабости и силы. Автор затрагивает вопросы о человеческой жадности, эгоизме, страхе перед смертью, но также и о сострадании, любви и надежде.

3. Конфликт между индивидуальным и коллективным. Многие произведения М. Фриша исследуют конфликт между индивидуальными желаниями и потребностями и обществом. Герои сталкиваются с выбором между своим собственным благополучием и желаниями и благополучием других.

4. Тема вины и искупления. Часто персонажи М. Фриша испытывают чувство вины за свои поступки или решения. Это позволяет автору исследовать тему искупления и возможности покаяния за прошлые ошибки.

5. Моральный урок. Во многих произведениях присутствует моральный урок, который читатель может извлечь из сюжета и действий персонажей. Эти уроки часто неоднозначны и могут толковаться по-разному каждым читателем.

М. Фриш также известен своим мастерством в создании напряженных и динамичных сюжетов. Его романы и пьесы зачастую полны неожиданных

поворотов и сюрпризов, которые держат читателя или зрителя в напряжении до самого конца. Это особенно заметно в его драмах, где он часто использует элементы театра абсурда и экспериментального театра для создания уникальных и запоминающихся произведений.

Кроме того, М. Фриш является одним из основателей так называемого «театра абсурда» [38, с. 361]. Это направление в драматургии, которое ставит под сомнение традиционные формы и значения. Он считает, что театр должен быть местом для размышления и обсуждения важных социальных и моральных вопросов, а не просто развлечением.

Таким образом, творчество М. Фриша было полно экспериментов, поисков, и в итоге оказало значительное влияние на развитие швейцарской и мировой литературы в целом. Его произведения переведены на многие языки и продолжают вызывать интерес у читателей и критиков по всему миру.

В своих романах М. Фриш погружает героев в самые разные ситуации, проходя через которые они вынуждены сталкиваться с проблемами самоидентичности. При этом автор экспериментирует, то противопоставляя героя общественному укладу, то собственным взглядам героя, то вовсе оставляет атмосферу максимально ненапряженной, чтобы еще раз продемонстрировать, что данные вопросы не обязательно возникают у человека в тяжелой ситуации.

Практически всегда автор демонстрирует, что человек в попытках самоопределения и протеста против общепринятых норм все равно не способен быть полностью верен себе.

В романе «Ното Фабер» автором поднимается ставится проблема личности в эпоху «индустриальной цивилизации». Технократ Фабер, на протяжении жизни исповедовавший философию прагматизма и равнодушия к нравственным, духовным ценностям, начинает осознает губительность своей жизненной «программы» только пройдя через страдания.

В начале романа Фабер представляется читателю как человек рационального склада ума, деловитый и практичный. Он самый что ни на есть прагматик, который верит только в логику, технологии и теорию вероятностей. Он не читает романов, не посещает музеи, ему чужды разговоры о красоте. Героя куда больше интересуют механизмы и формулировки непререкаемых законов природы. Именно ввиду его неприятия искусства и прочей «ерунды» Ганна в юности называла его *homo faber* (лат. «человек производящий»). Это обстоятельство поясняет и выбор названия романа. Поначалу Фабер готов интерпретировать случившееся с ним как всего лишь цепочку случайностей, а не как «перст судьбы».

По ходу повествования неожиданно для самого Фабера в нем внезапно просыпается сентиментальность (он хочет снова встретиться с Иоахимом),

оживают воспоминания о Ганне, в Париже для встреч с Сабе он начинает регулярно ходить в Лувр (хотя никогда там не был; при этом герой жил буквально напротив), приглашает ее в оперу. Все эти решения и действия выглядят совершенно не характерными для Фабера.

Д. Затонский во вступительной статье к сборнику избранных произведений М. Фриша, размышляя про характерное и нехарактерное Фаберу поведение, отмечает: «Но какому, собственно, Фаберу? Ведь их – два. И всегда было два: Фабер, так сказать, “внутренний” и Фабер “внешний” – вполне, без остатка ушедший в роль, в ней растворившийся» [15, с. 9].

Исследователь также определяет все происходящее в мироощущении Фабера как пробуждение и реванш его «внутреннего», который преодолевает Фабера «внешнего». Например, в ситуации, когда Сабет, неизвестная до этого момента его собственная дочь, неосознанно напоминает Ганну – это «его судьба, медиум крушения всей его жизненной системы... Так Фабер, можно бы сказать, закономерно приближался к своей жизненной катастрофе, к этой жуткой и отчаянной пародии на греческий миф; в том числе и на роковую его предопределённость» [15, с. 11].

Отмечается, что в романах «Назову себя Гантенбайн» и «Штиллер» М. Фриш с самого начала показывает человека как бы «снявшимся с места». В этих произведениях автор опускает один из самых трудных для художественного анализа и в то же время напряженнейших моментов – момент, когда для героя (в «Штиллере») или рассказчика (в «Гантенбайне») становятся ясными ложь и притворство обыденной жизни, считающейся в обществе нормальной.

Действие начинается с бегства – с судорожных поисков иного пути, новой истории, роли, даже биографии. В «Ното Фабер» же автором показан процесс осознания человеком недостаточности и пустоты его жизни. В этой книге М. Фриш занят «археологией человека» [14], он пытается обнаружить и раскрыть глубинную суть человеческой личности, показать, что человек «не есть лишь конгломерат навязанных ему извне свойств, что личность неуничтожима, что слово “я” – это твердая, хоть и меняющаяся реальность» [14]. И в этом романе писателя интересует герой, который изменяется, но, изменяясь, все больше становится самим собой.

Герой романа «Назову себя Гантенбайн» не теряет своей сущности, но постоянно играет разные роли. Однако, какую бы маску он ни надел, он остается таким же трусливым и обычным человеком.

В жизни персонажей этого романа почти нет четких обязательств. Гантенбайн может притворяться «слепым», а может и не делать этого. Он может испытывать любовь, а может и не чувствовать ее. Его существование

размыто между разными возможными вариантами жизни. Он так же неуловим, как и филолог Эндерлин, который играет важную роль в книге.

В мире, созданном М. Фришем, герои получили полную свободу выбора без давления внешних обстоятельств. Автор специально создает такие условия, чтобы показать, как сознание современного человека функционирует без жестких рамок. Однако, даже в такой обстановке никто из персонажей не способен следовать своим истинным желаниям, чувствам или убеждениям. Они не находят путь, который был бы продиктован их внутренней сущностью. В этом мире, полном возможностей и альтернатив, герои не могут решить, какой дорогой им идти. Фриш показывает, что, возможно, для настоящего самоопределения нужны другие, более реальные условия и мотивация.

Роман «Штиллер», как отмечают критики, можно назвать социальным и идеологическим. Никто не понимает, почему главный герой так настойчиво отказывается признавать свою личность. Только прокурор пытается разобраться в его проблеме, но даже он до конца не осознает ее сути. Остальные же герои вообще не понимают мотивов Штиллера. Для женщин его поведение – просто каприз. Его защитник, человек с ярко выраженным патриотизмом, искренне не понимает, почему Штиллер отвергает свою принадлежность к Швейцарии.

Сам же Штиллер не переживает из-за того, что его никто не понимает. Он стремится уйти от роли, которую навязало ему общество, боится снова оказаться в этой ловушке. Он недоволен тем, как его воспринимают окружающие, и хочет доказать свою самостоятельность. Однако М. Фриш показывает, что его протест неуверенный и противоречивый. Штиллер сам не до конца понимает, чего хочет. В Америке он будто бы сбросил с себя эту личность и жил в гармонии с собой, но, вернувшись на родину, снова начинает с ней бороться.

К концу романа Штиллер полностью опустошен. Он теряет веру в любовь, дружбу, брак и вообще в людей. Внешне он соглашается признать свое имя и роль, но внутри остается непримиримым. Он лишь делает вид, что смирился, но на самом деле так и не принял себя.

Таким образом, проблема поиска идентичности, которая во многом определяет своеобразие произведений Макса Фриша, играет важную роль в художественной литературе в целом, так как она позволяет авторам исследовать вопросы о смысле жизни, о месте человека в мире и о его отношениях с другими людьми. Философско-эстетические поиски Фриша отражают глубокое стремление понять человеческую сущность, вопросы идентичности и подлинности существования. Его произведения, насыщенные экзистенциальной проблематикой и формальными экспериментами,

продолжают вдохновлять читателей и исследователей, предлагая многогранный взгляд на природу человека и его место в мире.

ГЛАВА 2 ПРОБЛЕМА ПОИСКА И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ «МОНТОК» И ПОЗДНИХ ПОВЕСТЯХ МАКСА ФРИША

2.1 Проблема идентичности и ее интерпретация в романе М. Фриша «Монток»

Роман «Монток» был впервые опубликован в 1975 г. По мнению исследователей, это произведение занимает особое место в творчестве Фриша: персонажи в его ранних романах во многом были автобиографическими, но сами истории оказались вымышленными. В «Монтоке» главный герой носит имя автора и рассказывает о реальном опыте писателя, а в основе сюжета – рассказ о выходных, которые Фриш провел на Восточном побережье Америки с Линн. Название романа происходит от места Монток: «Ein indianischer Name; er bezeichnet die nördliche Spitze von Long Island, hundertzehn Meilen von Manhattan entfernt» [45, с. 6] («название индейское; им обозначен северный выступ Лонг-Айленда, в ста десяти милях от Манхэттена» [34, с. 31]). Кроме этого, в «Монтоке» автор рассказывает и о других женщинах, с которыми был связан, а также размышляет о возрасте, смерти, взаимовлиянии жизни и работы.

Одним из вопросов, которые Фриш ставит перед собой и главным героем, является проблема идентичности. Исследователи Н. С. Павлова и А. В. Маркин отмечают: «Повесть Фриша – попытка остро пережить и полно ощутить мгновение: все здесь будто в последний раз. Важным кажется существовать, жить, жить просто, как живут чайки, но и внутренне не спасовать, оказаться на высоте хотя бы перед внутренним своим судом или, как выражается Фриш, “выстоять перед ярким светом”» [24, с. 276].

В «Монтоке», как и других произведениях Фриша, поднимаются вопросы самоопределения, противоречий между внешним образом и внутренним «я», а также трудности сохранения собственной индивидуальности в меняющемся мире. Здесь автор исследует проблему личной идентичности через автобиографический рассказ о пожилом писателе, который рефлексировал над своей жизнью, личными отношениями и творческим путем.

Одной из ключевых особенностей «Монтока» является его автобиографическая основа. Писатель не скрывает, что главный герой – это он сам, а книга представляет собой своего рода литературный эксперимент, в котором автор пытается осмыслить собственную жизнь и понять себя. Это подтверждает и выбранный эпиграф: «Denn ich bin es, den ich darstelle. Meine

Fehler wird man hier finden, so wie sie sind, und mein unbefangenes Wesen, so weit es nur die öffentliche Schicklichkeit erlaube... so bin ich selber, Leser, der einzige Inhalt meines Buches; es ist nicht billig, dass du deine Müsse auf einen so eitlen und geringfügigen Gegenstand verwendest» [45, с. 3] («Ибо тот, кого я изображаю, – это я сам. Здесь представлены мои недостатки такими, как они есть, и мое естественное существо, насколько это позволяет общественное приличие... Таким образом, читатель, единственное содержание моей книги – я сам; это не значит, что ты должен отдать свой досуг столь тщеславному и ничтожному предмету» [34, с. 29]).

Рассказ ведется от первого лица, но герой часто избегает упоминания своего имени, что уже само по себе свидетельствует о его сложных отношениях с собственной идентичностью. В тексте постоянно присутствует дистанция между автором и его образом. А иногда он и вовсе как будто забывает, что повествование ведется от первого лица. Периодически появляется местоимение «он», и автор уже рассказывает историю от третьего лица: «Dann ist sie nochmals zum Wagen zurückgegangen. Er wartet; sie haben Zeit. Ein ganzes Wochenende. Er steht und weiß nicht, was er im Augenblick grad denkt...» [45, с. 7] («Она снова возвращается к машине. Он ждет; спешить некуда – у них впереди весь уик-энд. О чем он сейчас думает, он не знает...» [4, с. 29]). В этой связи Н. С. Павлова и А. В. Маркин задаются вопросом: «В сосредоточенной на текущем прозе неожиданно возникают отчужденные “он”, “она”. Порой в одной фразе Фриш ставит “он” вместо “я” и продолжает рассказ в третьем лице, будто наблюдая происходящее со стороны. Что это, знакомая по его прежним произведениям игра в роли или, быть может, автору и всегда важно было целомудренно скрыться, чтобы образно, но зато и без утаек воплотить свой жизненный опыт?» [24, с. 276]. Пожалуй, здесь и определяется главный конфликт романа: невозможность описания жизни без субъективного взгляда и неизбежное размывание границ между автором, рассказчиком и персонажем. Соответственно, идентичность писателя и идентичность главного героя тесно связаны, но утверждать, что они тождественны, в данном случае не представляется возможным. Подобные отступления еще раз подчеркивают, что, несмотря на автобиографичность главного героя и идентификацию себя с ним, автор так или иначе становится на позицию наблюдателя, тем самым привнося в образ главного героя элементы вымысла.

Фриш нарушает традиционные границы между автором и персонажем, создавая впечатление, что читатель сталкивается с подлинной исповедью. Однако он одновременно ставит под сомнение саму возможность объективного рассказа о себе. Его личность не является чем-то фиксированным, а воспоминания могут быть ненадежными и изменчивыми:

«Für Augenblicke kommt es ihm wie eine Einbildung vor oder wie eine ferne Erinnerung: dieser Gang mit einer jungen Frau» [45, с. 6] («несколько мгновений все представляется ему плодом фантазии или далеким воспоминанием – эта тропинка в зарослях, эта молодая женщина» [34, с. 30]). В этом контексте важна мысль Н. С. Павловой, которая отмечает: «Однако, не желая рассказывать о себе самом, писатель все же себя выдает: он нужен себе как материал. Вплоть до повести “Монток” Фришу всегда была важна не столько собственная, сколько обобщенная современная личность – напряженный драматизм ее судьбы и ее сознания, и несмотря на убеждение писателя в том, что наше время менее всего подходит для личных историй, “все-таки человеческая жизнь совершается или гибнет не где-нибудь, а в отдельном “Я”» [24, с. 259]

Автор использует поток сознания, чтобы показать внутренние переживания персонажа. Важно отметить, что его размышления о детстве и юности не являются простым набором воспоминаний; они становятся основой для самоидентификации. Каждый фрагмент памяти, каждая встреча с прошлым вызывают у героя не только ностальгию, но и глубокие сомнения в своей истинной сущности. Например, его воспоминания о господине В.: «Es gab nur eine Sache, wofür ich nie dankbar war: seine Anzüge, die für mich eine Nummer zu groß waren. Meine Mutter konnte zwar die Ärmel kürzen, die Hosen auch, trotzdem paßten sie mir nicht. Ich trug sie halt, um W. nicht zu kränken; er meinte es arglos, sah, daß ich mir keine Anzüge kaufen konnte, und der Stoff war immer noch tadellos, wenn er mir einen Mantel oder eine Jacke vermachte» [45, с. 36] («Но за одну вещь я никогда не испытывал к нему благодарности: за его костюмы, которые были мне на один размер велики. Моя мать, правда, укорачивала рукава, да и брюки, и тем не менее они мне не подходили. Я их, так и быть, носил, чтобы не обидеть В.; ведь он желал мне добра, понимал, что я не мог покупать себе костюмов, а материал отказанных мне пальто или пиджаков был все еще безупречен» [34, с. 50]).

Важной темой романа является отношение героя к женщинам. В «Монтоке» он вспоминает свои прошлые романы, анализируя, каким образом они повлияли на его самоощущение. Один из ключевых эпизодов – описание отношений с Линн, молодой американкой, с которой герой проводит уикенд в Монтоке: «Da Lynn nichts gelesen hat, was ich veröffentlicht habe, genieße ich es, einmal lauter Gegenteil zu reden: - Politik kümmert mich überhaupt nicht. Verantwortung des Schriftstellers gegenüber der Gesellschaft und das ganze Gerede, die Wahrheit ist, daß ich schreibe, um mich auszudrücken» [45, с. 28] («Поскольку Линн ничего из моих книг не читала, я наслаждаюсь возможностью высказать вещи, прямо противоположные опубликованному: политика меня вообще не интересует, ответственность писателя перед

обществом – это все только разговоры, правда состоит в том, что я пишу ради самовыражения» [34, с. 46]). Эта связь становится для него поводом для размышлений о неудачах в любви, о страхе перед близостью и о неспособности к долгосрочным отношениям.

Кроме того, в «Монтоке», появившемся спустя два года после трагической гибели австрийской поэтессы Ингеборг Бахман (Ingeborg Bachmann, 1926–1973), Фриш рассказал о сложных взаимоотношениях с ней в годы совместной жизни. Этот мотив перекликается с другими произведениями швейцарского писателя, особенно с романом «Штиллер», где главный герой также страдает от кризиса идентичности и неспособности соответствовать ожиданиям окружающих. Литературовед Р. Кайзер пишет: «Фриш рассматривает любовь не как способ обрести идентичность, а как источник разочарования, поскольку любая близость неизбежно приводит к утрате индивидуальности» [48, с. 204].

В «Монтоке» романтические отношения не столько помогают герою обрести себя, сколько подчеркивают его внутреннюю разобщенность и страх перед привязанностью: «Ob es mich peinigt oder beseligt, was ich um die geliebte Frau herum erfinde, ist gleichgültig; es muß mich nur überzeugen. Es sind nicht die Frauen, die mich hinters Licht führen; das tue ich selber» [45, с. 132] («Не имеет значения, огорчает меня или радует то, что я выдумываю о любимой женщине, – важно, чтобы это убеждало меня. Не женщины меня обманывают – я сам себя обманываю» [34, с. 116]).

Память играет ключевую роль в формировании личности героя. Однако воспоминания, к которым он возвращается, оказываются фрагментарными, противоречивыми и субъективными. Он осознает, что любое воспоминание является не точным отражением прошлого, а лишь его интерпретацией.

В романе Фриш использует технику нелинейного повествования, перемежая сцены из прошлого и настоящего. Такой метод подчеркивает, что идентичность человека не является чем-то цельным, а складывается из множества разрозненных моментов. Этот прием напоминает философскую концепцию идентичности как процесса, а не застывшего состояния. Фриш показывает, что личность героя формируется не только его поступками, но и тем, как он их интерпретирует.

Мотив памяти и ее связи с поиском и сохранением идентичности писатель исследует и в других поздних произведениях, в частности, в повести «Человек появляется в эпоху Голоцена». Однако в «Монтоке» автобиографичность преобладает над вымыслом. Вместо потери памяти главный герой предается воспоминаниям и одновременно боится забыть что-то важное: «Dann aber die Angst, das Gedächtnis zu verlieren. Zum ersten Mal diese Angst» [45, с. 159] («Затем меня охватывает ужас, что я потеряю память.

Впервые в жизни такой ужас» [34, с. 134]). Как мы видим, в романе Фриша память играет важную роль в формировании идентичности. Герой погружается в воспоминания о своем детстве и юности, что позволяет ему осознать, как эти переживания повлияли на его нынешнее состояние.

Еще одним важным аспектом является давление общественных ожиданий на личность. Герой сталкивается с требованиями окружающих. Эти ожидания становятся источником внутреннего конфликта, так как герой не может соответствовать идеалам, навязываемым обществом. Таким образом, особенностью отражения проблемы идентичности в «Монтоке» является конфликт между внутренним и внешним. Это давление создает конфликт, где герой оказывается разрываемым между своими истинными желаниями и внешними ожиданиями. Он понимает, что не может быть тем, кем хотят его видеть окружающие, и это осознание приводит к глубокому внутреннему кризису.

Писатель мастерски передает эту борьбу через внутренние монологи персонажа, где он размышляет о том, как его внешняя идентичность расходится с внутренними ощущениями. Н. С. Павлова пишет: «В “Монтоке” о внутренней и внешней жизни человека по имени Макс Фриш мы узнаем больше, чем из всех его прежних книг. Мы узнаем о трудных годах, проведенных им в бедности, и о его отношении к материальному достатку, обретенному на вершине писательской славы. В мир личных воспоминаний и впечатлений врываются политические события. Книга, начатая, как признавался писатель, из побуждений сугубо частных, оказывается естественно открытой для проблем современности» [24, с. 287]. Герой романа стремится освободиться от оков общественных ожиданий и найти себя истинного. Он начинает осознавать, что идентичность – это не статичное состояние, а динамический процесс, который требует постоянного переосмысления и саморефлексии.

Таким образом, «Монток» представляет собой глубокое исследование проблемы идентичности. Макс Фриш показывает, что человек не обладает статичной личностью, а его восприятие себя постоянно меняется под влиянием воспоминаний, отношений и рефлексии. Через автобиографическое повествование, анализ любовных связей и работу памяти автор раскрывает идею о том, что идентичность – это не фиксированное «я», а сложный и изменчивый конструкт.

Роман «Монток» и сегодня остается одним из самых значимых произведений М. Фриша, предлагая читателю не только личную историю автора, но и философские размышления о природе человеческого существования.

2.2 Тема ненадежности памяти и сохранения идентичности в повести «Человек появляется в эпоху Голоцена»

2.3 Тема вины и невинности в повести «Синяя борода»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема идентичности в литературе и культуре в целом – важная тема, отражающая сложные аспекты человеческого существования. Литература часто отражает и формирует представления о человеческой идентичности, предлагая читателю задуматься о месте в мире и своей сущности. Часто раскрытие темы в различных литературах может отличаться ввиду исторических, культурных, социальных условий. В частности, разнообразие культурных и языковых контекстов Швейцарии сделало проблему идентичности особенно значимой для ее литературы: писатели обращаются к вопросам поиска идентичности через разные художественные приемы, но все они отражают одну ключевую мысль: личность – это динамическое понятие, формирующееся в контексте культуры, общества и истории.

Проблема идентичности часто поднимается в романах, повестях и драмах Макса Фриша и является одной из главных отличительных черт его творчества. Размышления об идентичности и самоидентификации героев в текстах швейцарского классика часто сопряжены с вопросами свободы воли, смысла времени и неизбежности смерти. Персонажи Фриша всегда находятся в процессе самоопределения, поиска места в мире и борьбы с социальными стереотипами, как, например, в самом известном его романе «Номо Фабер», стоявшем у истоков философской послевоенной литературы. В последующих романах, повестях, рассказах и драмах эти темы получили дальнейшее развитие. «Штиллер» – роман о поисках идентичности, которая реализуется через мотив бегства. Героя принято считать не просто заблудившимся или ищущим человеком, но и личностью, стремящейся понять свои отношения с миром. «Назову себя Гантенбайн» – трагическое произведение, где описываются довольно обыденные и распространенные явления, имеющие следствия, далеко идущие.

В романе «Монток» Фриш показывает, что человек не обладает статичной личностью, а его восприятие себя постоянно меняется под влиянием воспоминаний, отношений и рефлексии. При помощи автобиографического повествования, исследования любовных связей и работы памяти автор раскрывает идею о том, что идентичность – это не фиксированное «я», а сложный и изменчивый конструкт.

Кроме того, Фриш обращается и к вопросу размытия границ личности, когда его собственный герой, который по сути является писателем, в какой-то момент отчуждается. В итоге повествование ведется уже не от первого лица, а от третьего. Автор дистанцируется от героя, хотя изначально предполагается, что они – одно целое.

Важным элементом повествования является поток сознания, благодаря которому раскрываются различные аспекты личности главного героя романа. Через постоянное обращение к событиям прошлого, воспоминаниям из детства М. Фриш демонстрирует, что идентичность личности складывается на протяжении всей жизни, в том числе и из отдельных событий, произошедших в разное время.

«Человек появляется в эпоху Голоцена» представляет собой глубокое исследование человеческой сущности, старения и восприятия времени. В центре повести – главный герой, господин Гайзер, который, находясь на грани жизни и смерти, сталкивается с вопросами, касающимися памяти, идентичности и смысла существования. Автор использует этого персонажа как символ для более широких тем, которые волнуют человечество в целом.

Одной из ключевых проблем, поднятых в повести, является страх перед угасанием. Гайзер, оказавшись в изоляции, начинает осознавать свою уязвимость и конечность. Этот страх перед потерей памяти и идентичности становится центральной темой произведения. Гайзер окружен записками и вырезками из книг, которые, как ему кажется, содержат важную информацию. Эти фрагменты служат напоминанием о том, что память – это не только хранилище опыта, но и то, что определяет, кто мы есть. Однако с течением времени герой понимает, что его связь с миром ослабевает.

М. Фриш мастерски показывает, как старение и приближение смерти влияют на восприятие реальности, заставляя героя задумываться о своих прошлых выборах и о том, как они сформировали его жизнь. Повесть также затрагивает тему одиночества, которое становится неотъемлемой частью существования Гайзера. Его дом, который когда-то был местом комфорта и безопасности, теперь воспринимается как тюрьма. Эта атмосфера безысходности подчеркивает, как внешние обстоятельства могут влиять на внутренний мир человека.

Таким образом, повесть «Человек появляется в эпоху Голоцена» затрагивает важные философские и экзистенциальные вопросы. Фриш создает образ человека, который, несмотря на физическую и психическую изоляцию, продолжает искать смысл в своем существовании, сталкиваясь с неизбежностью старения и смерти. Эта повесть становится не только личной историей, но и универсальным размышлением о человеческой природе, времени и памяти.

В «Синей бороде» М. Фриш предлагает читателю сложные этические вопросы и оставляет за собой пространство для размышлений и дискуссий. Особенно остро звучит в повести вопрос вины и самообвинения, а также вопрос общественного давления и его последствий, которые иногда приводят к трагедиям. В повести не является определяющим то, кто же на самом деле

убил Розалинду Ц. – это просто упоминается в контексте повествования как практически ничего не значащая деталь. В то время как действительно важными становятся моральные размышления господина Шаада о его вине в этом деле и ее искуплении.

М. Фриш тщательно исследует вопрос человеческих отношений: как между мужчиной и женщиной (что особенно хорошо прослеживается на примере взаимоотношений Ф. Шаада и его 7 жен), так и между людьми в целом (этот аспект можно проследить через эпизоды свидетельствования против Шаада его знакомых и их последующее отношение к доктору). Кроме того, в повести поднимаются вопросы доверия и общественного давления, которое может существенно сказаться на самом человеке и стать источником самообвинения. В частности, Феликс Шаад, который изначально был невиновен и оправдан судом, в конечном итоге начинает винить себя в преступлении, которое не совершал, ведь косвенно, думает он, его вполне можно считать виновным во всем, что произошло с Розалиндой Ц.

Многие философские вопросы о смысле жизни, предназначении человека и его влиянии на судьбу других, жизни и смерти звучат в повести, тесно переплетаясь с вопросами нравственности и морали. Например, авторские размышления о судьбе и свободе воли находят отражения в эпизодах, когда герои (особенно господин Шаад) размышляют о роли судьбы и воли случая в жизни человека, а также думают, может ли один человек в достаточной степени повлиять на жизнь другого, чтобы изменить ее. В частности, могла ли совместная жизнь и развод Феликса Шаада и Розалинды Ц. запустить цепочку событий, которые привели к гибели последней.

Вопросы идентичности и самоидентичности также актуальны в повести, раскрываясь преимущественно в размышлениях о том, может ли общественное мнение настолько повлиять на конкретного человека, что его самоопределение изменится. В связи с этим необходимо упомянуть и вопрос конформизма, который в большей степени раскрывается в судебных эпизодах, где свидетели больше похожи на ведомых, нежели на осознанных самостоятельных людей.

Таким образом, мы видим, что рассматриваемые в рамках данного исследования произведения поздней прозы М. Фриша так или иначе затрагивают тему поиска идентичности, однако, раскрывают их с различных точек зрения. Комплексный анализ позволяет глубже понять философско-нравственные мотивы всего творчества писателя, а также сравнить особенности раскрытия данной темы в позднем творчестве с более ранними произведениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амусин, М. Макс Фриш. Аналитик мечты / М. Амусин // Wayback Machine. Новый Мир. – 2011. – №5. – С. 33 – 45.
2. Андрианова, Е. В. Процесс самоидентификации как литературоведческая проблема / Е. В. Андрианова // Вестник МГЛУ. – Серия 1. Филология. – 2018. – № 6 (97). – С. 171–177.
3. Бахтин, М. М. Работы 1920-х гг. / М. М. Бахтин. – Киев : Next, 1994. – 383 с.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
5. Бент, М. «Тайный соглядатай»: авторские «маски» в романе М. Фриша «Назову себя Гантенбайн» / М. Бент // «Я весь – литература». Статьи по истории и теории литературы. – СПб. : Издательство Сергея Ходова, 2013. – С. 511–521.
6. Бирхер, У. «О медленном нарастании гнева» Макса Фриша. Вступление и перевод с немецкого Е. Кацевой / У. Бирхер, Е. Кацева // Вопросы литературы. – 1999. – №1. – С. 217–228.
7. Большаков, В. П. Романдская литература первой половины XX в. / В. П. Большаков // История швейцарской литературы: в 3 т. – Т. 3. – М. : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 211–236.
8. Бочкарев, А. Е. О самоидентификации в литературе и искусстве / А. Е. Бочкарев // Исследования нижегородских искусствоведов. – Н. Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2012. – С. 4–18.
9. Галина, И. В. Макс Фриш – путь к «Монтоку» : Публицистика, дневники, романы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / И. В. Галина; Ленинградский ун-т. – Л., 1990. – 21 с.
10. Гасанова, И. М. Языковые средства изображения самоидентификации личности в постколониальном романе XX–XXI вв. : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. М. Гасанова. – СПб. : [б. и.], 2013. – 170 с.
11. Гуцин, О. В. Время как «Действующее лицо» в романном творчестве М. Фриша / О. В. Гуцин // Vox. Философский журнал. – 2014. – №17. – С. 3–36.
12. Гуцин, О. В. Макс Фриш: неумный актер в интерьерах собственного «я» / О. В. Гуцин // Vox. Философский журнал. – 2014. – №16. – С. 2–24.

13. Гушин, О. В. Свобода и проклятье главного персонажа в литературе М. Фриша / О. В. Гушин // Vox. Философский журнал. – 2015. – №18. – С. 3–30.
14. Давиденко, Г. И. История зарубежной литературы XX века [Электронный ресурс] / Г. И. Давиденко [и др.] // Студенческая библиотека онлайн. – Режим доступа: https://studbooks.net/27945/literatura/istoriya_zarubezhnoy_literatury_xx_veka. – Дата доступа: 10.03.2025.
15. Затонский, Д. Проза Макса Фриша / Д. Затонский // Фриш М. Избранные произведения в трёх томах. – М. : Художественная литература, 1991. – С. 7–32.
16. Истомина, А. Тайное имя или кто, где, когда [Электронный ресурс] / А. Истомина // Российский колокол. – 2012. – № 1-2. – Режим доступа: <https://ros-kolokol.ru/esse/taimoe-imya.html>. – Дата доступа: 01.03.2025.
17. Киричук, Е. В. История зарубежной литературы XX века : учеб. пособие / Е. В. Киричук. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 72 с.
18. Киселева, И. С. Концепция житнетворчества и герой-маска как недостоверный рассказчик в романе М. Фриша «Штиллер» / И. С. Киселев // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 21–24.
19. Клот, Л. Двойная годовщина Макса Фриша [Электронный ресурс] / Л. Клот // Наша газета. – Режим доступа: <https://nashagazeta.ch/news/11758>. – Дата доступа: 15.03.2025.
20. Кравинская, Ю. Ю. Проблема идентичности в контексте критического изучения постколониальной литературы / Ю. Ю. Кравинская, Е. М. Караваева // Филология и человек. – 2023. – № 2. – С. 110–121.
21. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму / сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 2000. – С. 427–457.
22. Лембрикова, Б. Макс Фриш – критик современности / Б. Лембрикова // Вопросы литературы. – 1967 – №6. – С. 170–188.
23. Малащенко, В. В. Проблема самоидентификации личности в повести «Кляйн и Вагнер» Г. Гессе и романе «Штиллер» М. Фриша / В. В. Малащенко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Серия: Филология, педагогика, психология. – 2014. – № 8. – С. 132–137.
24. Павлова, Н. С. Макс Фриш / Н. С. Павлова, А. В. Маркин // История швейцарской литературы: в 3 т. – Т. 3. – М. : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 265–298.
25. Павлова, Н. С. Швейцарские варианты: литературные портреты / Н. С. Павлова, В. Д. Седельник. – М. : Советский писатель, 1990. – 318 с.

26. Рикёр, П. Я–сам как другой / П. Рикёр. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
27. Сауткин, А. А. Принцип диалогизма М. М. Бахтина как методологическое основание для исследования социокультурной идентичности / А. А. Сауткин // Logos et Praxis. – 2014. – № 3 (23). – С. 16–25.
28. Седельник, В. Д. «Мишени» швейцарской новеллистики / В. Д. Седельник // Современная швейцарская новелла. – М. : Радуга, 1987. – С. 3–20.
29. Седельник, В. Д. Адольф Мушг / В. Д. Седельник // История швейцарской литературы: в 3 т. – Т. 3. – М. : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 389–420.
30. Сидорина, Т. Ю. «Homo faber» как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия / Т. Ю. Сидорина // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – С. 14–23.
31. Слюсарев, В. В. «Цифровой эксгибиционизм»: самоидентификация личности в условиях информационного общества / В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44. – № 3. – С. 434–442.
32. Софронова, Л. А. О проблемах идентичности / Л. А. Софронова // Культура сквозь призму идентичности. – М. : Индрик, 2006. – С. 8–24.
33. Фриш Макс [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/frish-maks-f49ab5>. – Дата доступа: 12.03.2025.
34. Фриш, М. Монток; Человек появляется в эпоху голоцена : Повести / М. Фриш; пер. с нем. Е. Кацевой. – М. : Прогресс, 1982. – 279 с.
35. Фриш, М. Синяя борода / М. Фриш. – М. : АСТ, Neoclassic, 2011. – 352 с.
36. Экскурс в историю швейцарской литературы [Электронный ресурс] // Наша газета. – Режим доступа: <https://nashagazeta.ch/news/culture/ekskurs-v-istoriyu-shveycarskoy-literatury>. – Дата доступа: 15.03.2025.
37. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис; пер. с англ. / Э. Эрикссон. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.
38. Эсслин, М. Театр абсурда / М. Эсслин; пер. с англ. Г. Коваленко. – СПб. : Балтийские сезоны, 2010. – 526 с.
39. Ярина, Е. С. Проблема самоидентификации личности и особенности поэтической системы в романах Э. Елинек 1975–1980-х годов : автореф. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Е. С. Ярина ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург: [б. и.], 2011. – 22 с.

40. Arnold, H. L. Gescheiterte Existenzen? Zu «Blaubart» / H. L. Arnold // In: text + kritik 47/48, 3. erweiterte Auflage 1983. – S. 112–135.
41. Arnold, H. L. Was bin ich? Über Max Frisch / H. L. Arnold. – Wallstein, Göttingen 2002. – 72 S.
42. Dürrenmatt, F. «Stiller», Roman von Max Frisch / F. Dürrenmatt // Deutsche Literaturkritik. Vom Dritten Reich bis zur Gegenwart (1933–1968). – Frankfurt a. M., 1971. – S. 399–413.
43. Frisch, M. Blaubart: Eine Erzählung / M. Frisch. – Berlin : Suhrkamp Verlag, 2016. – 172 S.
44. Frisch, M. Der Mensch erscheint im Holozän : eine Erzählung / M. Frisch. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1981. – 142 S.
45. Frisch, M. Montauk : eine Erzählung / M. Frisch. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1975. – 233 S.
46. Giddens, A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1991. – 256 p.
47. Günther, K. Poetische Gerechtigkeit in Recht und Literatur – Max Frischs Homo Faber / K. Günther // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. – 2010. – № 1. – S. 8–19.
48. Kaiser, G. Endspiel im Tessin: Max Frischs unentdeckte Erzählung „Der Mensch erscheint im Holozän“ / G. Kaiser // Schweizer Monatshefte für Politik, Wirtschaft, Kultur. – 2002. – №82/83. – S. 46–52.
49. Literatur in der Schweiz. – 1999. – №1. – 262 S.
50. Mayer, H. Ritter Blaubart und Andorra [Elektronische Ressource] / H. Mayer // Die Zeit. – Zugriffsmodus: <https://www.zeit.de/1982/17/ritter-blaubart-und-andorra/komplettansicht>. – Datum des Zugriffs: 06.03.2025.
51. Schmitz, W. Max Frisch, das Spätwerk (1962-1982): eine Einführung / W. Schmitz. – Tübingen : Francke, 1985. – 188 S.
52. Schriftsteller Adolf Muschg über Heimat und Identität [Elektronische Ressource] // Universität Luzern. – Zugriffsmodus: <https://www.unilu.ch/news/schriftsteller-adolf-muschg-ueber-heimat-und-identitaet-5441>. – Datum des Zugriffs: 18.03.2025.
53. Steffahn, C. Altern, Sterben und Tod im Spätwerk von Max Frisch / C. Steffahn // POETICA – Schriften zur Literaturwissenschaft. – Hamburg : Dr. Kovač, 2000. – S. 187–196.
54. Stemmer, A. Das Blaubart-Prinzip in Max Frischs “Blaubart” [Elektronische Ressource] / A. Stemmer // GRIN. – Zugriffsmodus: <https://www.grin.com/document/108437>. – Datum des Zugriffs: 16.03.2025.